

18+

Андрей Говера

ХОЛОДНОЕ ПЛАМЯ

Андрей Говера
Холодное пламя

«Издательские решения»

Говера А. М.

Холодное пламя / А. М. Говера — «Издательские решения»,

Город Мирный умирает. Здесь нет закона и будущего — только лес, отрезающий мир от цивилизации, и Церковь Синего пламени. Антон — чернокожий мальчик с голубыми глазами — попадает сюда в пятнадцать. Мать разговаривает с духами. Пастор говорит — она избранная. Антон верит. Девять лет он служит Церкви, не замечая, как вера становится послушанием, послушание — соучастием, а синее пламя на крыше храма — погребальным огнём. Когда правда догоняет, бежать некуда. Книга содержит нецензурную брань.

© Говера А. М.

© Издательские решения

Холодное пламя

Андрей Михайлович Говера

© Андрей Михайлович Говера, 2026

ISBN 978-5-0069-8564-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антон обычно просыпался рано, где-то в районе шести часов утра, чаще от того, что голова болела неистово. Он привычно нащупал левой рукой на тумбочке упаковку белых таблеток, которые пачками дед привозил матери, удостоверился, что они на месте, и утренняя паника ушла. Мать Антона без таблеток была сама не своя: болезнь брала верх, а мир вокруг становился слишком резким, пахнущим гнилью и старым углем. Без этих маленьких белых порталов в другие миры Света, так звали мать Антона, сходила с ума, а с ними — превращалась в уютную акварель Мирного. Хорошо матери — хорошо ему, потому гиперфиксация на своевременной доставке таблеток матери в рот постоянно заставляла проверять первым делом, даже ранним утром, не кончились ли запасы.

Сегодня день как-то не задался сразу: он разомкнул глаза часа на три раньше обычного. Не потому, что пытался установить какой-то правильный режим сна, как считается в городе верным — вставать до солнца, а потому, что сегодня, в воскресенье, массовый сбор прихан в Церкви Синего огня. Антон, по его личному утверждению, временно безработный; насколько временно, он сам не знал, кроме того, даже не помнил, когда был его последний рабочий день. За все свои девять лет жизни в Мирном он, в свои двадцать три, вообще еще не работал официально, по крайней мере для тех контролирующих органов, что сидели за лесом, который окружал городок от смрада и непотребств — мертвого мира, где нет места святому и великому. Для Мирного лес был важной деталью механизма, ключом, вставленным в замочную скважину их размеренной правильной жизни и одновременно оберегом, защищающим своей толстой непроеходимой тьма город от лишних глаз и ртов.

Третий будильник для Антона уже казался невыносимо громким. Холостяцкая кровать со скромным белым бельем в ромашку грела, казалось, чуть сильнее, так как напоминала великовозрастному Антону о доме в деревне, где он когда-то родился и вырос вместе с бабушкой.

В город Мирный он переехал, когда ему исполнилось 15 лет. Таких «Мирных» в стране было довольно много. Иногда даже больше нескольких штук на одну область. Очень уж нравились жителям и чиновникам этих областей и краёв это звание, да и звучит оно действительно... То ли состояние души описывает, то ли подходящий эпитет для атома.

Мирный был островом безопасности, где в отсутствии реальных рычагов государственного правления, которые было номинальным, городок, ввиду своей удаленности, был оставлен по сути в самоуправление горожанам, а там уж вышло, как вышло. Главное, чтобы функция выполнялась, считалось так. Поэтому, в какой именно момент никто не знает, появилось Яркое светящееся синее пламя, которой вело и управляло людьми.

Поэтому и за веру было взято, что только под светом Синего пламени разум остается чистым. Лес же перекрывал идущий от горизонта свет, от того таил слишком много тайн для людей, что несколько поколений живут внутри этой круглой поляны, на которой и вырос Мирный. Стоило отойти от города на пару десятков километров туда, вглубь леса, как связь с пла-

менем терялась, и люди сходили с ума. Первой это доказала его мать Антона, по крайней мере все так считали и свято в это верили, потому что вера так говорила. А на ней все и держалось.

В Мирном жила мать сыном с отцом, хотя в его существовании Антон сомневался всегда, и не беспочвенно. Мать с отцом всегда вела закадычные беседы, философствовала о смысле жизни, обвиняла его в собственной несостоятельности, во всех бедах — неизменно было одно: его не было. Его попросту не существовало. Диагноз на карточке был выдолблен крупными красными буквами, как клеймо — острая форма шизофрении. Но единственный друг семьи, Петр Игнатьевич, никогда не называл это состояние болезнью. Он всегда считал и громогласно утверждал, что мать Антона была единственной, кто ушел, плюнув на веру за лес, а вернулся оттуда с ребенком на руках, но вера помогла ей вовремя удержать остатки сознания, а синее пламя стало только ярче светить для всех, кто встретил Мать и принял обратно. Так, она стала символом страха и веры в одном лице.

Но ее близкие родственники, которые не были частью этой веры, в слова Петра не верили, а жили обычную жизнь крестьян, не обращали внимания на необычное поведение дочери до тех пор, пока у Светы, так звали в миру мать Антона, не кончились таблетки, потому что их просто не стало: купить было негде, да и не на что. Состояние ее становилось все хуже, неосознаваемых и невидимых постороннему глазу друзей становилось все больше, поэтому бабушка Тоня и дед Степан из деревни Увядаевка забрали маленького тогда еще метиса к себе, чтобы оградить его от ужасов, происходящих с матерью, подарив ему любовь и ласку — все, что у них было.

Родившийся от чернокожего отца и своей белокожей, насколько мог быть белым цвет, шоколадный Антон всегда притягивал взгляды, но и плевков в его сторону было немало. Он никогда не был своим нигде: ни в компании детей, где родители трехлеток каждый раз, отводя в сторону своих сокровищ от Антона, на ухо читали лекцию о том, что с ним не стоит общаться, строго помахивая выставленным указательным пальцем у глаз. Уже подростком Антон узнал от своего друга Сереги, с которым общается до сих пор, что родители всерьез считали, будто от Антона дети могли заразиться Эболой, цингой и малярией, да и вообще он постоянно грязный.

В деревне у бабушки и дедушки у Антона после переезда началась новая жизнь. Для поселения он стал неведомой зверушкой, к которой все относились с улыбкой и доброжелательностью; жалко только, что в основном это были старики, которые по несколько человек в год медленно уходили из Увядаевки навсегда. Ровесников в деревне не было. Учился он плохо, каждый день его возили в соседнюю школу, что в селе Бабочкино. Преодолевая с дедом на тракторе по 10 километров туда-сюда в сельскую школу, где, как грязная дождевая вода, ручейки из деревенских школьничков тянулись к сливу, собираясь вместе в классе в единый поток безудержного веселья и беспечности.

Мать он видел редко, с каждым годом выглядела она все хуже и хуже, тело ее ссыхалось на глазах в моменты, когда она внезапно появлялась на пороге родительского дома. Дед забирал ее и привозил в дом, как собачку, не давая сделать лишний шаг вправо и влево. Они прекрасно знали, какой жизнью она живет в Мирном, что Мирный из себя представлял, поэтому дед Степан старался бдить каждую секунду, которую Мать была рядом с сыном.

Но при всем при этом, долго время Дед Степан где-то каждый раз находил таблетки в разных других областных центрах, так как был дальнобойщиком, привозил ей — на какое-то время хватало. Леса он не боялся, поэтому регулярно уезжал, у него пропуск на платную дорогу.

Степан хотел, чтобы хотя бы на день рождения Антона мать приезжала в гости без своих новых друзей. Эти дни маленький Антон любил, ждал и с детской наивностью расставлял лишние стулья для невидимых друзей матери вокруг обеденного стола, каждый раз вызывая страх в глазах бабушки, которая боялась, что внуку болезнь матери может передаться. Как только торт Наполеон был доеден, других было не найти, а таблетки вручены, Света испарялась из

отчего дома и с глаз Антона. Когда Антону стукнуло 13 лет, он видел Мать последний раз, больше она не приезжала.

Поэтому и помнил он ее плохо. Каждый раз, засыпая на скрипучей железной постели, ему приходилось зажмуривать глаза, чтобы представить, как выглядела мама, но каждый раз, как только изображение становилось четче, по телу бежал холодок, кожу усыпало мурашками, как лесную полянку грибами после дождя. Потом всю ночь снились кошмары: хороводы и дискотеки в ДК с персонажами из фантазий Матери.

Но пришло время отправляться учиться, а посему нужно было возвращаться обратно в Мирный, так как оценки Антона после девятого класса оставляли желать лучшего. Так Антон закончил еле-еле 9 классов, после чего был отправлен в ПТУ-38.

ПТУ-38 — легендарное место и мекка, где учили самым невостребованным на тот день профессиям в стране. Антон долго выбирал, на кого пойти учиться, перечитал кучу объявлений в газете, перелистал все книги из серии «Я познаю мир». Так как единственная четверка у него была по географии, то пойти учиться он решил на физика. С логикой это плохо коррелировало, но Антон думал, что это примерно одно и то же, так как в их школе географ вел и физику, и биологию, и даже труды. Да и директором физик тоже был сам. Не то чтобы не было учителей, просто 4 ставки все-таки больше, чем одна. А там иди докажи, что они все действительно не профпригодны, так ведь?

Уже как тридцать лет на ученых-физиков учили в профтехучилищах, так как профессия стала невостребованной, ненужной, но кое-где, чтобы, например, побегать по домам с анемометром в руках, забежать в каждый подъезд дома, в каждую квартиру и подойти к каждой вентиляционной вытяжке, корочки физика еще были нужны. Поэтому специальности перевели в ПТУ. Наука была уже не нужна: считалось, что знаний о том, что Земля плоская, вполне достаточно, чтобы работать, расти счастливо и не знать бед. Тем более, что в Мирном царила своя философия жизни, «В пределах леса знания не нужны», а что за лесом их волновало мало.

Поэтому, сознательно определившись с будущей профессией, пятнадцатилетний Антон налепил пельменей полный таз вместе с бабушкой, что-то сварил, что-то собрал с собой и вместе с приемными родителями ровно в 18:00 по мирнинскому времени сел на ужин, где все плакали и обнимались. Антон чувствовал, как сухая кожа ладоней бабушки прилипла к его намокшим загорелым щекам, а дед, вцепившись двумя руками в шапку, уставился в окно и не смотрел на них. Учиться надо, но понимание того, что это будет в Мирном, страшило Степана.

В конце вечера торжественно перед включенным ярким телевизором, где был только один канал, а программы повторялись каждые 40 дней, дед Степан снял с груди заветный ключ от входной двери квартиры в Мирном, который он носил все это время как крестик на груди, чтобы не потерять. Тот самый второй ключ, который он когда-то забрал у дочери, когда забирал маленького чернокожего Антона к себе.

— Береги его, Антоша. Теперь он твой, пусть он будет как амулет и связь: и с матерью, и с нами, — хмуро буркнул дед.

Антон Мямлев вырос крепким, здоровенным сельским парнем с густой черной шевелюрой и голубыми мамиными глазами. Предательски большой нос, будто растянутый в фотошопе, как бывает у Digital-моделей, казалось, перекрывал всю центральную часть лица. Губы толстые, что генетически характерно, слегка синеватые, отчего бабушка каждую ночь пальцем проверяла, дышит ли внук, благо с его носом проблем с проверкой не было. Острые скулы, ровные белые зубы, густые черные брови — все это делало из него красавца, который при желании разбивал бы любые женские сердца, но в его пятнадцать лет ярких взглядов заезжающих в деревню дочек соседок он не понимал, а наставнические речи бабушки помнил:

— Береги честь смолоду, Антоша, береги, понял?

Антон доел последний пельмень, обмазанный в кетчунезе, вытер руки о штаны, которые спешно передел, заменил на дедовы брюки времен обучения на программиста в поли-

техническом; рубашку купил сам на цыганском рынке. Так называли переезжающие с места на место рынки, продававшие поношенную одежду из соседней страны — вообще всё было нынче оттуда, даже лес, который изначально они у нас и закупали. Говорили, что люди там настолько бедны, что вынуждены продавать одежду, чтобы прокормить себя, на что местные всегда грустно кивали головами, приговаривая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.